

Н а в е ч е р и н к ѣ .

(Въ Каргопольскомъ уѣздѣ).

Стемнѣло. Избушки плотно закрыли свои вѣки—ставни.

Одна за другой бѣгутъ дѣвушки съ прялками и вязаньемъ подпрыгивая, какъ козочки. Холодно. Въ просторной избѣ Ильи на воронцѣ мерцаетъ керосинка.

Съ самаго начала года (съ Покрова) дѣвушки облюбовали свои мѣста, и когда-бы онѣ ни пришли, ихъ мѣста свободны. Особенно мѣста старшихъ и зажиточныхъ дѣвицъ. А молоденькія и бѣдныя дѣвушки часто сидятъ и не тамъ, гдѣ хотѣли-бы.

Скоро всѣ лавки занимаются. Дѣвушки поютъ частушки, изрѣдка затягивая длинную пѣсню.

Одни за другими подходятъ и молодцы; какъ всѣ, по обычаю, войдя въ избу, крестятся.

— Дѣвицы красны, молодцы удалы.

— Приходи, пожалуй.

Парни кучей садятся на каждомъ свободномъ кускѣ лавки, на порогѣ, на полу, растягиваясь попросту и часто такъ, что если-бы вечеринку испугать—молодцамъ удалымъ ни за что сразу не встать.

Мужики очень мало поютъ вмѣстѣ съ дѣвушками—не умѣютъ.

Тѣ, у которыхъ есть бесѣдницы, очень скоро подсаживаются къ дѣвушкамъ, какъ-бы ни было тѣсно.

Садятся прямо на колѣни или рядомъ, кладя одну ногу на колѣно подруги; обнимаются и цѣлуются, не всегда прикрываясь и рукой.

Если и слышенъ шопотъ, то лучше-бы не слушать: пустяки занимаютъ влюбленныхъ, иногда хозяйство, сплетни... Поцѣлуются—и сидятъ пять—десять минутъ. Дѣвушка продолжаетъ свое дѣло: прядетъ или вяжетъ, а ея молодецъ съ самодовольной улыбкой поглядываетъ на нее, нерѣдко нарочно мѣшая работать.

— Да ну, брось!

— А-а.

— А вотъ, а-а. Тресну веретеномъ-то.

Цѣлуются. А гдѣ-нибудь въ углу, одинокій, скучающій парень на всю избу скажетъ:

— Разъ, два, три! Славно!

Теперь нерѣдкость то, что молодые мужики уходятъ на лѣто въ города на заработки и приносятъ въ деревню умѣнье курить и больше пить. Поэтому же нынѣшніе молодцы не такъ высоконравственны въ своихъ помыслахъ, какъ ихъ отцы и дѣды.

Однако, глубоко печально и то, что на языкѣ молодцовъ удалыхъ повисли пошлость и грубость.

Ни въ своей деревнѣ, которая имѣетъ сто дворовъ, ни въ окружающихъ на большомъ разстояніи я не замѣтилъ и не слышалъ, чтобы дѣвушки теперь больше „падали“.

Беременность дѣвушекъ—попрежнему рѣдкость и такой позоръ, котораго бояться не меньше, чѣмъ „грѣха“.

Кстати, я не могу не упомянуть о томъ, что молодые безграмотные парни, попадая въ столицы и другіе большіе города, очень скоро усваиваютъ низость нашей культуры: пьянство, куреніе, развратъ.

Увы—это фактъ, несомнѣнные послѣдствія котораго должны привести всякаго, любящаго родину, въ ужасъ.

Дерзко, конечно, требовать отъ сильныхъ міра сего радикальной борьбы съ пьянствомъ: это возможно только при уничтоженіи нашей „казенки“.....

Но да будетъ позволено сказать, что пора отъ словъ о всеобщемъ и обязательномъ обученіи перейти къ дѣлу.

Мало того, надо всячески поощрять наиболѣе способныхъ и богатыхъ знаніями учителей, давать имъ полную свободу дѣйствій на полѣ просвѣщенія деревни...

А рабочихъ въ городахъ закономъ поставить въ лучшія условія, какъ матеріальныя такъ и гигиеническія.

И только такимъ путемъ возможно—если это намъ нужно!—сохранить крайне воспримчивую, дѣтски-нравственную, въ общемъ, сѣверную деревню отъ городской грязи.

Вѣдь когда парень придетъ въ городъ не темнымъ, какъ осенняя ночь, а обученнымъ, узнавшимъ о необходимости сохраненія здоровья, ибо это-то и есть жизнь, которой каждый и всегда дорожитъ,—уже умѣющимъ въ городѣ свободный вечеръ использовать для лекцій, которыя—слава Богу!—устраиваются и въ небольшихъ городахъ, а не для посѣщенія поганаго трактира или—еще хуже, правительствомъ дозволеннаго, заведенія—дома терпимости!!

Нельзя забывать, что „цивилизованные“ города варварски развращали и наградили деревню сифилисомъ.

Вотъ почему я даже съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сохранившіеся до сихъ поръ наши старые нравы вечеринокъ.

Я представляю ужасъ во всемъ утонченной культурной барышнѣ, если-бы ее привести на нашу бесѣду, но я знаю, кто чище: деревенская-ли дѣвка, у которой парень сидитъ на колѣняхъ, дѣвка, которая цѣлуется при всемъ честномъ народѣ, или та „воспитанная“ барышня, которая не выноситъ грубости деревни, но танцуетъ съ голой грудью...

Нѣкоторые парни иной вечеръ обходятъ „порядовочку“: цѣлуютъ всѣхъ дѣвушекъ отъ первой до послѣдней.

Правда, парни это дѣлаютъ какъ бы въ видѣ шутки или удалства, а нѣкоторыя дѣвушки иногда противятся:

— Что еще за порядовочка!

— А ты не кобеняся, шальная! Али губы-то убудеть. Но старый обычай еще живетъ!

Я боюсь только, что эти обычаи постепенно перейдутъ у мужиковъ въ сознательное пользованіе простотой дѣвушекъ...

Тѣхъ молодцовъ, которые ни въ своей деревнѣ, ни въ сосѣднихъ, куда многіе и часто ходятъ спеціально па вечеринку, не имѣютъ „зазнобы“, конечно, больше. А все-равно, какъ-бы они ни устали за день, дома не остаются: вечеринка тянетъ!

Высидѣтъ же цѣлый вечеръ не занятымъ и не разъ и не два, а всю зиму, понятно, скучно.

Такъ эти молодцы изыскали для себя другое „развлечение“: играютъ въ карты.

Толстый, слабоногій и подслѣповатый мужикъ Илья за двадцать лѣтъ въ совершенствѣ позналъ и слабыя и положительныя стороны вечеринки.

Если-бы Илью спросить, что онъ думаетъ о современной деревенской молодежи, то онъ, вѣроятно, вполне искренно сознался-бы въ своемъ полномъ непониманіи „по такой части“. Но какъ онъ держитъ мужиковъ въ своихъ рукахъ! Какъ умѣетъ вытягивать чрезъ парней послѣдніе соки тощихъ амбаровъ! Какъ Илья умѣетъ завлечь молодца въ должники, давая въ долгъ, поучать, обижаться, что онъ „ни зашто ни прѣшто“ служить ребятамъ, и какъ, наконецъ, все его противное многословіе сразу кончается, если лицо парня отразитъ недовольство отказаннаго.

Илья! Какъ много говорить это слово не одному поколѣнію нашей деревни:

Если-бы съ него стянуть шкуру незнанія, да обмыть отъ засохшей грязи, расчесать его рыжіе волосы, съ глазъ снять крупинки бѣлаго гноя,—словомъ, Ильѣ придать человѣкоподобіе, о, какой коммерсантъ-спекулянтъ изъ него вышелъ-бы!

Но я сомнѣваюсь, чтобы тогда его сильнѣе любили.

— Илья, карты!

— Ой, ребята. Не надо-бы играть-то.

— Давай, тебѣ говорятъ! И, какъ будто испугавшись окрика, Илья съ повинной улыбкой бросаетъ засаленную колоду картъ.

— Булокъ!

При этомъ словѣ обычно неподвижный Илья молча наклоняется подъ нары въ прилубѣ и достаетъ мѣшокъ.

Невыгодно, когда играютъ въ деньги, хотя тогда Илья облагаетъ „каждый конь“ по грошу на керосинъ.

И вотъ компанія мужиковъ садится играть въ булки. Иногда разыгрываютъ одну булку, иногда „ходятъ“ ими, копейками.

Илья продаетъ булки *по пятаку*, отпуская всемъ безъ денегъ и не собьется никогда!

Только самъ не плошай: а то на тотъ разъ и Илья забудетъ счетъ и толкъ...

Булки онъ получаетъ изъ города разъ въ педѣлю штукъ по 40—50.

Разыгравшись, мужики спускаютъ съ плечъ шубы и туда, кругомъ себя, въ случаѣ выигрыша, кладутъ булки.

Обратно Илья беретъ ихъ *по три* копейки. Если парень выигралъ 10 булокъ, 9 онъ, конечно, возвратитъ Ильѣ. Продать-же товарищамъ, нельзя:

— Иди, торгуй дома—скажетъ Илья.—А ты, коли покупаешь у ребятъ, никогда не проси у меня въ долгъ.

Съ выигрыша парень не прочь и полакомиться, для чего вполне достаточно одной булки, если-бы онъ даже и рѣшился угостить 15—20 дѣвушекъ!

Очень рѣдко иная дѣвушка дерзнетъ отказаться:

— А ну, тебя! Булка-та только подъ пятой не была.

— Ишь, фря какая. Дома лукъ жреть, а тутъ булкой брезгуешь... Ба-арыня!

Кругъ играющихъ за вечеръ неоднократно мѣняется. Одинъ, про-
дувъ 3—4 булки, уходитъ, другой приходитъ. Проигравшій поболтается
часъ—два, и еще счастья попробуетъ.

А Илья не спитъ и не ворчить. Когда же въ карты не играютъ,
опъ съ половины вечера начинаетъ брюзжать со своихъ наръ:

— Дѣвки, скоро пѣтухи запоютъ. Пора домой, дѣвки!

Въ булки играютъ въ очень немногихъ деревняхъ, да и то съ
легкой руки Ильи. Зато играютъ въ деньги.

У Ильи, конечно, и водочка есть. За 50—60 к. бутылочку, хотя
до города всего 15 верстъ, всегда можно получить.

А Илья знаетъ, кому даетъ. И кто его будетъ подводить, преда-
вать суду? Таковъ Илья, который здравствуетъ и до сихъ поръ.

Если не двѣ, то одна тальянка обязательно скрипитъ на вече-
ринкѣ весь вечеръ.

Не разъ за вечеръ молодцы и дѣвушки съиграютъ кадрили до
20 фигуръ.

„Караводы ходятъ“ только въ праздники, когда дѣвушки собира-
ются уже безъ дѣла.

Въ одномъ углу кричатъ картежники, въ другомъ—гармоника пи-
леть, цѣлый хоръ дѣвушекъ дружно поетъ безчисленные, однообразныя
по мотивамъ, но любовитныя по содержанію частушки, у оконъ си-
дять парочки, какъ будто не слыша и не вида ничего, и знай себѣ
цѣлуются; не занятые парни, развалившись на полу, о чемъ-нибудь
спорятъ или смѣются—такова картина вечеринки.

Я грубовато набросалъ ее, но тѣмъ не менѣе смѣю думать—чи-
татель ясно видитъ, какъ веселятся наши молодые люди въ будни.

А что они думаютъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, я думаю, лучше всего обратиться
къ пѣснѣ. Какое удивительное явленіе—частушки! Чтобы городскому
„умному“ человѣку выразить какую-нибудь мысль, думу, настроеніе—
нужно сказать цѣлый рядъ предложеній, длинную рѣчь. Деревня выра-
жаетъ свои помыслы или въ поговоркѣ, или въ четырехъ строкахъ
частушки.

Милый на ногу ступаетъ
У-мя разума пытается.
Я дѣвченка молода,
Но не выпытать ума.

Не форси, миленочекъ,
Что у тя новый домичекъ.
Ты обѣдалъ—я была—
На столѣ одна вода,

Двѣсти сорокъ пѣсень знаю,
Всѣ сейчасъ перепою.
Въ каждой пѣснѣ, въ каждомъ словѣ—
Я милого вспоминаю.

Ягодиночка ты мой,
Все корятъ меня тобой.

Я тобой не занялась—
Гостинцами не увлеклась.

Шла о рѣчку о рѣчку—
Колечко бросила въ рѣчку.
Пропади мое колечко,
Чѣмъ отдать бесѣднику.

Кабы знала, кабы знала
Гдѣ мнѣ замужемъ бывать:
Помогла-бы я свекровушкѣ
Капусту поливать.

Кабы замужъ, кабы замужъ—
Кабы въ среду и домой.
Если-бъ быть родимый батюшка—
Пріѣхаль-бы за мной.

или:

Нѣту батюшка родимаго:
Пріѣхаль-бы за мной.

Я любила и люблю
Солдатика военнаго;
Никогда не измѣню
Ему словечка вѣрнаго.

Я на поженкѣ кошу—
Говорить моя коса.
Замужъ выйду, счастье будетъ:
Я одинокая сноха!

Не ходите дѣвки замужъ—
Замужемъ худая жизнь.
Черезъ пуховыя подушки
Слезы катятся рѣкой.

Милый, счастье потеряешь:
Меня замужъ не возьмешь;
Я одинъ денекъ проплачу,
Ты на вѣки пропадешь.

Мои щечки, какъ цвѣточки,
Глазки—черный черносливъ.
Ты возьми, миляша, замужъ—
Будешь на вѣки счастливъ.

Хорошо траву косить,
Камешки выкидывать.
Хорошо ребячь любить—
Худо опокидывать. (покидать)

Меня высушилъ милый,
Суше травки полевой.
Я повысушу его,
Суше сѣна своего.

Не выгорить, такъ подинаятъ
Полушалокъ черненъкій.
Не отгадутъ—такъ погуляемъ,
Милый чернобровенъкій.

На своей родной деревнѣ
Срамъ по улицѣ пройти:
Постоянно окна полы,
Кличетъ: милая, зайди!

У меня на сарафанѣ
Кружева да каймы.
Ужь не смѣйся-ка, измѣняникъ:
Это дѣло взаимны!

Какъ-то пало въ голову,
Что милый ходитъ за рѣку.
За рѣку, за талинку
Въ ея деревню маленьку.(ю)

Долго я въ гостяхъ гостила.
Милый славушку пронесъ.
Мое серебряно колечушко
На барочку унесъ.

Семь да семь—четырнацать.
Шесть да пять—одинацать.
Три да два—будетъ пять,
Съ кѣмъ сидѣла—съ тѣмъ опять.

Ты, миляшка, черта стоишь:
Надо мной фигуры строишь.
Тебѣ двадцать пятый годъ
А мнѣ семнадцатый идетъ.

Ты, миляша, алый цвѣтъ,
А я темная ночка.
Оставайся посидѣть
Еще два вечерочка.

Интересно было слушать
За рѣкой тальяночку.
Вдоль по берегу гуляетъ
Кавалеровъ парочка.

Дома ужинать садятся,
Мама щечки въ блюдо льетъ.
Погляди, отецъ, въ окошко:
Дочь съ бесѣдникомъ идетъ.

Вѣтеръ *сѣверикъ* холодный
Трой суточки продулъ.
До того миль до обманываль,—
Кабы онъ утонулъ.
Вѣтеръ дуетъ—поддуваетъ
Съ кустика орѣхова.
Скажите милкѣ моему:
Я изъ гостей прѣехала.

У меня на сарафанѣ
Двѣ уборки кумачу.
Цѣловаться не умѣешь—
Я, пожалуй, научу.

Какъ читатель изволилъ замѣтить, приведенныя пѣсни—исключительно дѣвическаго распѣванія.

Можетъ быть это дѣвическое и сочиненіе?

Я думаю, что, да.

Кому же, какъ не дѣвушкаѣ, узнавшей горе замужества, по наблюдениямъ и слухамъ, сказать:

„Не ходите дѣвки замужъ:
Замужемъ худая жизнь!“

Вѣдь и—

„Черезъ пуховыя подушки
Слезы катятся рѣкой!“

Дѣвушка знаетъ, почему парень „фигуряетъ“:

„Ты, миляшка, черта стоишь:
Надо мной фигуры строишь.
Тебѣ двадцать пятый годъ.
А мнѣ семнадцатый идетъ!“

Любопытно-бы собрать всѣ частушки Русскаго Сѣвера. То, что я записалъ*), частью, можетъ быть всѣмъ извѣстно и уже напечатано. Этимъ я не смущаюсь. И еще буду записывать и печатать. Если-бы собрать всѣ частушки нашего Сѣвера, что нетакъ ужъ трудно сдѣлать при помощи нашего журнала, то, несомнѣнно, тогда легко было бы отобрать лучшее и издать въ общей книгѣ. Пусть встрѣчаются пѣсни, сложенные не на Сѣверѣ—не это важно. Важно, какая пѣсня держится, какая подвергается обработкѣ и въ какой степени.

А историкъ будущихъ дней счель-бы себя обязаннымъ ознакомиться со всѣми пѣснями: это въ высшей степени важно, какъ для выясненія плодотворности той или другой части Россіи, такъ и для того, чтобы узнать, какъ въ частушкахъ отражалось міровоззрѣніе народа, его отношеніе къ тому или другому вопросу деревни. За послѣднее время появляются пѣсни уже на злобу дня!

Надо еще сказать, что въ большихъ деревняхъ, рядомъ съ большой вечеринкой, у насъ бываютъ „маленькія“.

Тамъ, конечно, нѣту картъ, сидѣній и звонкихъ поцѣлуевъ, хотя есть свои молодцы съ немалыми претензіями...

У дѣвчурокъ тѣ же пѣсни и кадрили.

Изба, пріютившая подростковъ, конечно, не извлекаетъ такихъ выгодъ, какія имѣетъ Илья. Но дѣвченки тоже таскаютъ подъ фартукомъ каравай хлѣба, а мальчишки въ праздники даютъ по 3—5 коп. съ носа. И, беря примѣръ со взрослыхъ, маленькіе гдѣ-нибудь за избой, въ сугробѣ снѣга курятъ, только не махорку, недоступную роскошь, а мохъ.

Скорѣе свѣта въ нашу деревню!

Л Унинъ.

В ъ т у н д р ѣ .

(Изъ жизни лопарей¹⁾).

Среди тяжело громоздящихся вверхъ каменныхъ грядъ, которымъ, кажется, нѣтъ конца, замерло подъ толщей снѣга озеро.

Всюду мрачно смотрятъ своими обрывами неуклюжія каменные массы. Холодъ несутъ ледяныя вершины каменныхъ грядъ.

*) Предполагаю привести въ другой разъ рядъ пѣсенъ мужского распѣванія.

¹⁾ Какъ этотъ очеркъ, такъ и остальные очерки того же автора, имѣющіеся въ портфель редакціи, представляютъ въ беллетристической формѣ факты, взятые изъ жизни лопарей. Мы имѣемъ намѣреніе давать на страницахъ „Извѣстій“ беллетристическія произведенія, но только имѣющія отношеніе къ Сѣверу и соответствующія какъ задачамъ А. О. И. Р. С., такъ и программѣ его органа. *Ред.*